

Etymological nest with the root глух- in Yaroslavl dialects

The article deals with the words from the etymological nest with the root глух- in Yaroslavl dialects of the Russian language. In the derivatives with the roots глух-/глухи- the word formation synonymy and variety typical for the Yaroslavl and other dialects, first of all North Russian, are vividly displayed.

Key words: *variety, etymological nest, derivation, synonymy, Yaroslavl dialects.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Т.В. СИМАШКО
(Северодвинск)

**ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДЕНОТАТИВНО СВЯЗАННЫХ
ДИАЛЕКТНЫХ ЕДИНИЦ**

Анализируются основания для выделения совокупности единиц, отражающих запас знаний об определенном объекте мира, подвергшемся когнитивной обработке. Раскрывается, что повторяющийся денотативный признак служит формально-семантическим показателем, лингвистически достаточным для формирования такой совокупности единиц. Обосновывается, что материал диалектных единиц позволяет моделировать концептуальные структуры с учетом семантического пространства национального языка, выявлять особенности вербализации их отдельных компонентов. Показаны результаты анализа различных классов денотативно связанных единиц и пути концептуализации и предпочтения людей в репрезентации тех или иных особенностей отдельных фрагментов мира.

Ключевые слова: *концептуализация, моделирование структуры знаний, денотативный класс, диалектные и литературные единицы.*

Мысль К.С. Аксакова о языке, думается, близка многим современным исследователям: «<...> язык в составе своем есть воплотившаяся мысль; язык есть разумный мир. А потому мы должны понять язык и построить

его на основании в нем выразившейся мысли» [1, с. 530]. Однако найти пути описания того, как посредством языка воплотилась и выразилась мысль, непросто. Корни этого, представляется, лежат в самом языке, в разнообразии его функций, в связях с другими общественными структурами, в стихийном характере его формирования и функционирования. Все это, как и многое другое, приводит к сложному устройству языка и к такому способу кодирования в нем информации, который не обязательно лежит «на поверхности».

Область когнитивной деятельности человека предопределена средой его жизни – природной, исторической, социально-культурной и потребностями выразить важные стороны определенных фрагментов мира. Как справедливо отмечает Н.А. Беседина, в когнитивной лингвистике различаются «два типа репрезентаций: ментальные и языковые. Ментальные репрезентации устанавливают отношения между реальной действительностью и уровнем сознания» – это служит образованию «концептуального уровня, который, в свою очередь, оказывается основанием для языковой репрезентации уже отображенных в сознании явлений реальной действительности» [3, с. 180].

Многообразие реального мира на концептуальном уровне упорядочивается, оценивается, организуется в целостные ментальные структуры и, расчлняясь, воплощается во множестве языковых единиц, каждая из которых лишь часть этого целого, но далеко не элементарная. Например, слово *кис'ы* Перм. обозначает лыжи, подбитые шкурой с ног оленя, лося или лошади, однако важно, что в этом слове не только фиксируется особая разновидность лыж, но и содержится признак, показывающий их назначение, – ‘для преодоления сильного скольжения снега, особенно на склонах’: *Вот у меня были кисы. В любой крутик поднимайся, нисколько не сдавали* [5, вып. 16, с. 206]. Этот признак свидетельствует о знании свойства снега создавать скользкие поверхности и одновременно о найденных людьми способах для преодоления таких препятствий. Приведенный пример интересен тем, что в нем нашло отражение и другое свойство снега – обладать определенной плотностью, в частности, на это указывает доминирующий признак ‘лыжи’, т. е. особое приспособление для ходьбы по снегу. Примером зна-

ния того, что снежным массам присуща разная степень плотности, следовательно, необходимы различные приспособления, может служить и слово *л'анка* Сиб., Камч., Енис., которое обозначает лыжи для ходьбы по твердому снегу, насту [5, с. 263].

Рассмотренные свойства снега, как и иные сведения о нем, на языковом уровне воплощаются сотнями слов разных частей речи, разнообразными устойчивыми непредикативными и предикативными единицами. И такие совокупности единиц, сложившиеся в процессе концептуализации того или иного объекта мира, можно выделить на вполне языковых основаниях. Мы исходим из того, что если носители языка как его создатели накапливают информацию о каком-то объекте, направляя свои познавательные и творческие усилия на выделение важных сторон, то сведения об этом объекте должны отразиться в языковых единицах. Например, в значении каждого из слов – *перв'итина* Моск. и *п'ереметь* Новосиб. – доминирующим является признак 'дорога', однако наряду с этим в значении первого входит признак 'по первому снегу', а второго – 'занесенная снегом' [Там же, с. 20, 163]. Следовательно, как и слова *кисы*, *лапка*, они содержат денотативный признак 'снег' и отражают часть сведений об этом природном явлении. Отметим, что независимо от того, занимает ли денотативный признак доминирующее положение в значении слова или нет, он, повторяясь в разных языковых единицах, отсылает к одному и тому же фрагменту мира – познаваемому объекту. Вся совокупность подобных единиц, выделенная на основании общего денотативного признака, может составить особый класс, а в качестве его имени можно использовать слово, называющее денотативный признак. Приведенные выше слова включены в денотативный класс <снег>. Он, как и другие классы, полученные таким же образом, в каждом отдельном случае представляет собой целостный, стихийно сложившийся в национальном языке информационный блок, в котором отдельная единица отражает лишь некоторую долю знаний об определенном объекте мира.

Подчеркнем, что денотативный признак рассматривается как формально-семантический показатель общности языковых единиц. Поэтому в какой-то единице денотативный компонент может оказаться лишь во внутренней форме, тогда как лексическое значение может соотноситься с иным денотатом,

не имеющим отношения к природным явлениям. Например, в денотативный класс <ветер> на основании внутренней формы были включены бытующие в архангельских говорах слово *в'етренка* – 'болезнь с появлением пятен на коже' и словосочетание *в'етряной (в'итряной) перелом* – 'покраснение белков глаз, конъюнктивит' [2, вып. 4, с. 22, 24]. И хотя их связь с ветром вряд ли объяснима с медицинской точки зрения, но вполне могла сложиться в сознании людей. Данные слова не одиноки в этом классе, приведем, например, такие слова, как *в'етренка* Яросл. – 'болезнь, подкожные нарывы', *в'етрянка* и *ветр'янка* Яросл. – 'болезнь корь' [5, вып. 4, с. 201, 205]. С этим же корнем в литературном словаре с пометой *разг.* зафиксировано слово *ветрянка* – 'ветряная оспа' [6, т. 1, с. 159]. Правда, отмечают медики, эта болезнь, как и корь, связана с вирусом, распространяющимся по воздуху (как бы ветром). Иначе говоря, здесь не только во внутренней форме, но и в значении слов есть показатель «связи» этих болезней с ветром. В целом же денотативный класс <ветер> содержит большой объем единиц, который позволяет моделировать концептуальную структуру <способность ветра негативно влиять на здоровье человека, быть причиной заболеваний>. Такие единицы бытуют и в говорах, и в литературном языке. Так, в литературный словарь включаются слова со значением 'подвергая действию ветра, вызвать болезнь', например, *надуть* (разг.), *продуть*, *просквозить* [Там же, т. 2, с. 349; т. 3, с. 482, 521]. В архангельских говорах слово *ветер* в одном из значений обозначает простуду у человека, в другом – заболевание скота: *От ветра скотина худела и есть не хотела* [2, вып. 4, с. 17].

Во многих словах отражается представление людей о том, что болезни могут быть результатом колдовства, наговора, а их разносчиком становится ветер. Наверное, этим можно объяснить наличие денотативного признака 'ветер' при обозначении болезней с неясной причиной их возникновения. В архангельских говорах сведения о ветре как разносчике болезней фиксируются словоформой *п'о ветру*: *Не коренн 'а чужж 'а как 'а-то болесь – п'о ветру придет* [Там же]. Между тем не только в архангельских, но и в других говорах страны бытуют суеверные объяснения заболеваний, например, *лет 'уха* Волог. – 'всякая болезнь, передаваемая по воздуху', *н'апуск* Арх., Ряз. – 'болезнь скота от сглаза'

[5, вып. 17, с. 26; вып. 20, с. 111]. Колдовством такие болезни и лечат, что сохраняет устойчивое сочетание *брызгать с ветру*: «Род заговора: баба, вошедшая в избу с ветра, т. е. с улицы, обрызгивает больного изо рта водой» [4, т. 1, с. 132].

В МАС с пометой *устар.* дается слово *поветрия* ‘быстро распространяющаяся эпидемия’. С этим же значением в разных говорах употребляются слова *пон’ад’уха* Пск., *пош’ава* Олон., Новг., Твр., *пош’атка* Влд., Ярс., *пош’ова* Новг., Пск., Твр. [Там же, т. 3, с. 280, 373].

Приведенные здесь слова не исчерпывают эту группу денотативного класса <ветер>, но они подтверждают мысль о том, что в народном сознании с ветром устойчиво связывается его негативное влияние на здоровье людей. Интересно, что, например, в материале денотативного класса <дождь> нет языковых единиц, в значении которых бы отражалось подобное представление. Денотативный класс <снег> содержит лишь единичные примеры, причем в этих случаях зафиксировано негативное действие снега при особых обстоятельствах, например, *снежница*, *снежная слепота* – ‘сходное со слепотой болезненное притупление зрения, вызванное раздражением от ярко освещенного снега’ [8, т. 4, с. 319–320]. Эта же информация содержится в слове *подб’ой* Олон. – ‘воспаление глаз от снежного блеска’ [5, вып. 27, с. 341] и в названии изобретенного людьми средства защиты от болезненного воздействия блеска снега: *наглазная сетка* [4, т. 2, с. 392].

В связи с приведенными выше примерами отметим общую черту, присущую единицам разных денотативных классов: в значении многих из них отражаются знания об условиях, обстоятельствах, причинах, способствующих реализации тех или иных явлений, об объектах, на которые они воздействуют, зависимость от времени их проявления, от степени интенсивности и т. д. Так, в денотативном классе <дождь> немало разных по структуре единиц, в значении которых фиксируются знания о пользе или вреде дождя в зависимости от времени полевых работ и, соответственно, оценка его как благоприятного или неблагоприятного для растений. Например, несвоевременный дождь, мешающий уборке урожая, – это *неплодный дождь* Пск., Ляг., Лит., Эст., *перем’очка* Чкал., *погн’ой* Арх. [5, вып. 21, с. 110; вып. 26, с. 167; вып. 27, с. 295]. Своевременный дождь способствует росту растений –

золотой дождь Медвежьегор., *р’астовый дождь* Перм., Курган [Там же, вып. 11, с. 333; вып. 34, с. 260].

Помимо слов и словосочетаний, это же свойство дождя отражается в многочисленных предикативных единицах – в пословицах, приметах, например: *Дождливое лето хуже осени*; *Дождь в мае хлеба подымает*. Включение подобных единиц в денотативный класс осуществляется по описанной выше методике – в соответствии с наличием в них денотативного признака. Как и слова, они обладают устойчивостью, воспроизводимостью и отражают определенную долю знаний о природном явлении. Нередко при описании концептов подобные единицы относят к периферии наряду с текстами разных стилей, утверждается, что благодаря таким единицам «в основном и является интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения» [7, с. 63]. Однако думается, что со «скрыто» представленными признаками и в «обычных» словах исследователь постоянно имеет дело в ходе моделирования концептуальных структур. К тому же сам термин «интерпретационное поле» не совсем удачен, скорее, всю семантическую систему языка можно считать «интерпретационным полем» внешнего и внутреннего мира человека, и на древнейших этапах язык складывался в результате интерпретации мира. Поэтому создание *базового фонда* единиц, содержащих концептуально значимую информацию, не позволяет отвлечься от любых из тех, которые содержат определенный денотативный компонент.

Таким образом, денотативный компонент, представленный формальным или семантическим показателем, либо тем и другим одновременно, – это «след» фрагмента мира, в контексте которого и сформировалась та или иная единица. Класс денотативно связанных единиц отражает наиболее конкретную ступень обобщения свойств определенного фрагмента мира, но содержательно не исчерпывает сложившийся о нем запас знаний. Ведь существуют иные способы освоения мира, например, научный или эстетический, с их особыми целями и законами концептуализации, что приводит к созданию собственных семантических зон, требующих особого внимания.

Языковые единицы, составляющие денотативный класс, обладают семантическим разнообразием, включают признаки, свидетель-

ствующие о различных свойствах природных объектов. В то же время, рассматривая значение каждой из них по отношению к имени денотативного класса с целью выяснения того, какие свойства объекта природы нашли отражение в той или иной единице, можно на основе семантической общности систематизировать их в группы. Семантический анализ единиц отдельных групп позволяет выявить существенные признаки, отражающие значимые сведения об объекте мира, обобщить их и представить в виде концептуальной структуры. Приведем в качестве примера анализ небольшой части единиц, отражающих сведения о направлении движения ветра как об одном из его основных свойств.

Анализ показывает, что постоянным концептуальным признаком, получившим выражение во всех единицах, является ‘наблюдатель’, с позиции которого определяется направление. Представление же о начальной точке движения воздушных масс фиксируется посредством различных признаков как во внутренней форме, так и в значении.

Во многих языковых единицах признак ‘начальная точка’ выражается в соответствии с наименованием стороны света: *северный ветер* – ‘со стороны севера’, *южный, юго-западный ветер* и т. д., в морской или метеорологической терминологии нередко им соответствуют заимствованные слова: *зюйд, зюйд-вест, ост* и т. д. [6, т.1, с. 625; т. 2, с. 653]. В диалектах немало не только словосочетаний, но и слов, в которых во внутренней форме представлены наименования частей света: *восток* Арх., Олон., Перм. ‘восточный ветер’ [5, вып. 5, с. 147], *с’евер* Арх., Мурман., Печор., Пск., Новг., Перм., Том., Новосмб., Краснояр., *с’еверко* Арх., *северн’як* Новг. – ‘северный ветер’ [Там же, вып. 37, с. 101, 102]. С этим же значением почти в 30 регионах страны употребляется слово *с’ивер* [Там же, с. 268–269]. В ряде слов во внутренней форме закрепился древнейший (впрочем, актуальный и сейчас) классификационный признак стороны света по движению солнца, отсюда и такие наименования ветра по направлению, как *восх’одник* Новг. – ‘восточный ветер’, *зак’атник* Волж. – ‘западный ветер’ [Там же, вып. 5, с. 152; вып. 10, с. 120].

Пожалуй, еще чаще признаком ‘начало движения’ во внутренней форме становится имя локально значимого географического объекта, при этом в значении отражается направление в соответствии со стороной света.

Это связано с позицией наблюдателя, для которого выделяемый географический объект может иметь разное отношение к стороне света, например, *гор’а* – ‘южный ветер’ в архангельских говорах, но ‘северный’ в Иркутской области, в Забайкалье [Там же, вып. 7, с. 17]. Концептуальный признак ‘географический объект как начальная точка движения ветра’ во внутренней форме репрезентируется двумя типичными языковыми средствами: с одной стороны, общеизвестными географическими номинациями – *гора, море, берег, река* и т. д., с другой – топонимами. Приведем несколько примеров без указания различий их значения: со стороны гор или материковой части суши – *г’орник* Олон., *г’орний* Арх. (*горный ветер*) [Там же, вып. 7, с. 17, 46], со стороны озера – *озер’ик* Белом., Пск., *озёрник* Новг., *озерн’як* Камч. [Там же, вып. 23, с. 90, 92], со стороны моря – *мор’ёна* Астр., *мор’як* Уссурийск., Камч., *мор’ян’ик* и *мор’яник* Арх., Беломор., *мор’яночка* Олон., Белом. [Там же, вып. 18, с. 262, 282, 283]. Отражение сведений о топониме как начальной точке движения ветра содержится в таких словах и словосочетаниях, как *белозёр* Волог., Ярослав., Новг. – с Белого озера; *в’айварка* Пск. – с Вайварской возвышенности; *ветер московский* Брян., *кур’ил* Камч. – Курильские острова; *моск’овец* Тамб. – со стороны Москвы [Там же, вып. 2, с. 220; вып. 4, с. 17, 192; вып. 16, с. 126; вып. 18, с. 285]. При всех различиях приведенные примеры репрезентируют одну и ту же концептуальную структуру – знания об определении направления движения ветра в соответствии с географическими объектами.

С иной концептуальной структурой мы связываем группу единиц, в которых начальной точкой предстает человек или предмет, чаще всего судно, лодка. Здесь соотношение со стороной света не устанавливается. Начальная точка выделяется как пространственная ориентация относительно наблюдателя (впереди его или сзади), отсюда значение ‘встречный ветер’ – *встр’ета* Арх., *ломк’ой* Олон., *противн’як* Арх. [Там же, вып. 5, с. 216; вып. 17, с. 121; вып. 32, с. 270], ‘попутный ветер’ – *повет’ёрна* и *повет’ёрна пала* Арх., *п’ов’ет’ерье* и *пов’етерик* Арх., Олон., Новг., Пск., Твер., Новг., *пог’онник* Ярослав. [Там же, вып. 27, с. 233, 237, 305].

Таким образом, знания о действительности отражаются в языке многообразно, кодируются с разной степенью «открытости», естественным образом организуются в нем, что и создает, как писал К.С. Аксаков, его «разумный мир». Анализ отдельных классов денотативно связанных

единиц помогает понять пути концептуализации и предпочтения людей в репрезентации тех или иных особенностей фрагментов мира.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 11. Ч. 1. Соч. филологические. М.: Университетская тип., 1875.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовој. Вып. 1–11. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2001.
3. Беседина Н.А. Концептуально-репрезентативный анализ как метод изучения морфологической репрезентации в языке // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2011. Вып. 1. С. 178–183.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978–1980.
5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. Вып. 1–46. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.
6. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1984.
7. Стернин И.А. Методика исследования концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 58–65.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007.

* * *

1. Aksakov K.S. Poln. sobr. soch. T. 11. Ch. 1. Soch. filologicheskie. M.: Universitetskaja tip., 1875.
2. Arhangel'skij oblastnoj slovar' / pod red. O.G. Gecovoj. Vyp. 1–11. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980–2001.
3. Besedina N.A. Konceptual'no-reprezentativnyj analiz kak metod izuchenija morfoloģicheskoj reprezentacii v jazyke // Sibirskij filologičeskij žurnal. Novosibirsk, 2011. Vyp. 1. S. 178–183.
4. Dal' V.I. Tolkovij slovar' živogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jaz., 1978–1980.
5. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova, S.A. Myznikova. Vyp. 1–46. M.; L.; SPb.: Nauka, 1965–2013.
6. Slovar' russkogo jazyka / pod red. A.P. Evgen'evoj: v 4 t. M.: Rus. jaz., 1981–1984.
7. Sternin I.A. Metodika issledovanija koncepta // Metodologičeskie problemy kognitivnoj lingvistiki / pod red. I.A. Sternina. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2001. S. 58–65.
8. Tolkovij slovar' russkogo jazyka / pod red. D.N. Ushakova: v 4 t. M.: TERRA – Knizhnyj klub, 2007.

Features of conceptualization of denotatively connected dialectological units

The article deals with the grounds to find out the combination of units that reflect the knowledge about some particular object of the world in cognitive treatment. It is proved that the repeated denotative sign is a formal semantic indicator, linguistically sufficient for formation of such a combination of units. The dialect units as the source of the material allow modeling the conceptual structures that reflect the knowledge with consideration of the semantic space of the national language, and finding out the features of verbalization of their separate components. The article represents the results of the analysis of various classes of denotatively connected units, demonstrates the ways of conceptualization and preferences of people when representing some features of some world fragments.

Key words: *conceptualization, modeling of knowledge structure, denotative class, dialect and literary units.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

О.Ю. КРЮЧКОВА, В.Е. ГОЛЬДИН
(Саратов)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТОВОГО КОРПУСА

Выделены коммуникативные особенности диалектной речи как воплощения традиционной культуры сельского общения и рассмотрены соответствующие этим особенностям характеристики диалектного текстового корпуса.

Ключевые слова: *диалект, традиционная культура, повествование, текстовый корпус.*

В ряде публикаций нами рассматривались вопросы построения диалектного корпуса, обсуждались принципы отбора включаемого в него материала, условия достижения его репрезентативности, отмечались его специфика, особенности разработки в отличие